Л. Д. Шагдаров.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РЕЧЬЮ АВТОРА—ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ «СОКРОВЕННОГО СКАЗАНИЯ» МОНГОЛОВ

1. В середине прошлого века русская востоковедческая наука открыла и ввела в научный оборот выдающийся памятник раннего монгольского летописания-«Сокровенное сказание» монголов. Сочинение это было составлено в 1240 году при дворе Угэдэя.

«Сокровенное сказание» является одним из авторитетных источников по истории монголов XII—XIII в. в.. В то же время оно обладает неоспоримыми художественными достоинствами. Является также ценнейшим языковым памятником, ибо содержит значительное количество устарелых грамматических конструкций и архаических слов.

Детальное научное изучение «Сокровенного сказания» в разных странах Европы и Азии началось лишь в нашем столетии.

Много лет посвятили исследованию данного памятника советский ученый академик С. А. Козин, немецкий исследователь профессор Э. Хенин, французские ученые П. Пеллио и А. Мостэрт.[1] Монгольские академики Ц. Дамдинсурэн и Б. Ринчен, японские ученые Ширатори, Озаво, Мураяма, Такачиро, а также проф. П. Поуха, акад. Л. Лигети, Л. Бэшэ, Ф. Кливз, Г. Доерфер, Д. Стрит, М. Н. Орловская и другие посвятили специальные статьи монографии изучению истолкованию «Сокровенного сказания», приложили немало усилий для перевода его на многие языки народов мира. В настоящее время этот памятник переложен на современный монгольский язык, переведен на русский, немецкий, французский, венгерский, чешский, японский и турецкий языки.

Несмотря на то, что за последние годы изучение языка «Сокровенного сказания» значительно продвинулось вперед, оно до конца еще не доведено. Исследования проводятся главным образом в плане исторической грамматики, лексикологии и семасиологии, уточняется и проясняется чтение отдельных мест, но совершенно недостаточно изучается стиль памятника, речевая манера изложения.

2. Вопрос о жанре «Сокровенного сказания» еще не получил окончательного разрешения. Нам представляется более убедительным то мнение (Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, Ц. Дамдинсурэн, П. Поуха и др.), согласно которому, «Сокровенное сказание не является лишь летописью-хроникой, историческим сочинением, а представляет собой также памятник художественного творчества монголов.

В пользу данной точки зрения, как нам кажется, свидетельствуют основные особенности языка и стиля этого сочинения. Прежде всего, как

---

[1] В качестве главнейших трудов по «Сокровенному сказанию» признаны следующие: С. А. Козин. «Сокровенное сказание». Монгольская хроника. 1240., т. I, М—L., 1941. E. Haenisch, Worterbuch zu Mongholum niuca tobca'an. Leipzig, 1939. Die Geschichte der Mongolen. Leipzig 1948; P. Pelliot, Histoire secrète des Mongols. Paris 1949. A. Mostaert, sur quelques passages de l' Histoire secrète des Mongols. Cambridge, 1953.

и в любом эпическом произведении художественной литературы, в нем отчетливо различаем речь автора-повествователя и речь героев-персонажей.

И авторское повествование, и речи персонажей заключают в себе много признаков поэтической речи, но они выражены по-разному: речи героев-персонажей большой частью оформлены в виде стихотворений, тогда как авторская речь по преимуществу является прозаической. Следует сказать, что стихи-речи героев, хотя и носят на себе печать литературного редактирования и нивелировки, вполне индивидуализированы. Например, языку одного из основных персонажей сказания Джамухи акад. С. А. Козин дает такую характеристику: «Юань чао би ши рисует нам прекрасный портрет этого вечно скучающего изящного барина с ног до головы, рыцаря и поэта, острого и насмешливого, щеголяющего стихотворными импровизациями, то сатирическими, то простонародно-меткими и хлесткими, то загадочными присказками-прибаутками, то прекрасными элегиями. Все почти, что говорит Чжамуха, представлено в памятнике стихотворной речью».

Как свидетельствуют летописцы и ученые, у монголов в древности существовал обычай передавать друг другу известия посредством рифмованных выражений с переносным значением. Поэтому возможно, следует предположить, что в основу многих стихотворных речей героев легли подлинные рифмованные высказывания изображенных в сказании исторических личностей. Некоторые из этих стихотворений являются замечательными поэтическими творениями. Вот как, например, обращается ханша Есуй к Чингис-хану перед тем, как ему выступить в поход:

Qaqan	Государь каган!
Undur davaa daban;	«О благе народном все мысли твои:
Orken muret ketulun	Проходишь ли ты перевалом высоким,
Urtu čaur čaurun,	Широкие ль реки ты вплавь переходишь,
Oloan ulus-ien	Иль в дальний поход ты, как ныне идешь,
Jibšiyerun setkiba.	Но в мире не вечно ведь все, что родилось.
Toreksen ele amitan-tur	
munke ukai ajuu?	Как семя, народ твой развеется,
Neul-e metu Beye čino	Когда упадешь ты, владыко,
Nekus-oduasu,	Как падает в бурю высокое дерево.
Netkel metu metu ulus-iyan	Кому же ты царство свое завещаешь?
Ken-e kemu?	Как стая испуганных птиц, разлетится
Tulu metu Beye čino	Народ твой, когда, пошатнувшись,
Gulbas-oduasu,	Падет его царственный столп и опора,
Guyal metu Ulus-iyan	Кому же ты царство свое завещаешь?»
Ken-e kemu? (§254)	

С другой стороны, несмотря на то, что мы чувствуем некоторое единство творческой манеры, проявляющейся во всех стихах, заставляет предположить поэтическую обработку стихов одним и тем же автором. Как бы там ни было, изучение речи каждого из описанных в «Сокровенном сказании» героев, речи, Чингиса, Чжамухи и других героев, многочисленных сподвижников Чингиса должны составить предмет самостоятельных исследований. В данном же сообщении мы сделали попытку определить некоторые особенности речи безвестного автора-повествователя «Сокровенного сказания» монголов, т.е. мы в этом сочинении следим только за авторской речью, совершенно отвлекаясь от речи описанных героев.

3. Основная особенность авторского стиля данного памятника состоит в том, что в нем совмещены два разных типа речи: сухое летописное изложение и живое художественное повествование. Первый тип ре-

чи употребляется им в тех случаях, когда он прослеживает генеалогическую линию Чингис хана или когда систематически излагает события монгольской истории первой половины XIII в. При этом изложение ведется в стиле деловой письменной речи, сухо и рационалистично. Основное внимание читателей обращена на фактическую, логическую сторону излагаемого.

Возьмем, например, начало сказания:

Činkis-qaqan-no huǰaur Deere Tenǩeri-eče ǰayaatu Toreksen Borte-Cino aǰuu. Ǩerǩai ino Qoai-Maral aǰiai. Tenǩis ǩetulǰu ireba. Onan-muren-no teriune Burqan-qaldun-na nuntuqlaǰu, toreksen Bata Čiqan aǰuu (§203).[1]

«Предком Чингис-хана был Борте-Чино, родившийся по изволению Вышнего неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Тенгис (внутреннее море). Кочевали у истоков Онон-реки, на Бурхан-халдуне, а потомком их был Бата-Чиган».

Это типичный отрывок. Как видим, в нем предложения предельно лаконичны, синтаксис четкий. Преобладают глагольные конструкции. Предмет мысли назван лишь в первом предложении. В третьем и четвертом опущены подлежащие, а во втором и последнем-дополнения. Нет в них эпитетов, а также определений к большинству имен и глаголов. Специальных изобразительных средств-метафор, сравнений и других экспрессивно-эмоционально окрашенных элементов речи также нет. Синтаксические конструкции в таком изложении тяготеют к стереотипности, трафарету: Bata-Čiqan-no koun Tamača. Tamača-in koun Qoričar-Merkan. Qoričar-Merkan-no koun Anǰan-Boroul и т. д. таком же духе (§ 2).

Кроме того, для этого стиля автора характерны перечисления, обилие однородных членов. Сказуемые внутри предложений и периодов выражаются посредством деепричастных форм, чаще всего соединительного деепричастия. Автор приводит множество собственных имен людей, названий родов, племен, народов: приводит географические названия, указывает точные даты и употребляет военные, хозяйственные термины и другие элементы, присущие обычно точным, научным интеллектуальным видам речи: Qonin ǰil Qitat-irken-tur morilaba. Fu-J̌ou-i abču Lluneken daba-ar, dabaǰu, Süan-de-fu-i abču, J̌ebe. Ǩuiǩunek-Baatur qoyar-i manǰlai ileba (§ 247)

«Затем в год овцы, Чингис-хан выступил в поход против народа Китад. После занятия Фу-чжоу и переправы через Хунегенский перевал (Ехулин, в 30 ли к западу от Калгана) он занял Сюнь-дэ-фу и выслал далее передовой отряд под командою Чжебе и Гунгунека».

4. Если бы все сказанное было выдержано в таком стиле, мы имели бы перед собой типичную летопись-хронику. На самом же деле лаконичное, сухое авторское изложение часто прерывается живыми эпизодами и сценками из жизни героев, с художественным драматизмом передающих события тех далеких времен. Такие описания воспринимаются как небольшие самостоятельные рассказы. В качестве образчика можно указать на рассказ о пленении и освобождении Темучина.

Князь Таргутай-Кирилтух Тайчиудский, боясь будущей мести со стороны малолетнего Темучина, решает похитить его и со своими людьми прибывает к кочевью, где мать Темучина Оэлун живет со своими малыми детьми. Автор рисует, как застигнутые врасплох люди в ужасе бросаются в тайгу, как тайчиудцы громкими криками требуют, чтобы они выдали Темучина и как он, услыхав это, успевает пробраться в густую чащу на вершине горы. Описание очень динамично, наполнено дви-

[1] Примеры и их переводы на русский язык приводятся по тексту «Сокровенного сказания» С. А. Козина с указанием соответствующих параграфов.

жением, криками и диалогами живых людей, топотом скачущих коней и свистом летящих стрел.

Здесь безвестный автор, выступая как современник описываемых событий, живо и непосредственно воспринимает и передает их. Благодаря конкретности описания речь его становится образной, синтаксически гибкой, интонационно и эмоционально богатой.

Поэтичность повествования усиливается от того, что автор действия своих героев показывает на фоне монгольской природы. Рассказывая о том, как Темучин бежит из плена, автор рисует, например, следующие картины:

J̌un-o teriun sara-in harban ǰirwuan-a hulaan teruel udur,Taičiut Onan-na orki deere quriulalduǰu. naran šiŋkeesu tarqaba (§ 81)«16-го числа первого летнего месяца, по случаю праздничного дня полнолуния, Тайчиудцы праздновали веселым пиршеством на крутом берегу Онона и расходились, когда уже заходило солнце» Taičiut quriǰu ireǰu, udur metu saraula Onan-no tun-ni bederebe (§ 82) «Они тотчас же принялись обыскивать рощу Ононскую: светил месяц и было светло, как днем».

Чутким ухом автор слышит ночные звуки степи, примечает бытовые картинки Ker-un belke sün tusuruet, esuk-iyen sueni-de udur čaitala buleku bulee. Tere belke sonasču yabubasu, buleur un daou sonasču kurču, ker-tur inu oṛobasu...

(§ 85) «Юрта Сорхан-Ширая была приметная: все время переливали молоко и всю ночь до самого рассвета пахтали кумыс. Приметана слух. Идя поэтому на стук мутовки, он и добрался до юрты».

Sorqan-Šira-in ker-ter terkan-tur iseri-in doro kurtele neŋǰiǰu qoitu (n) uŋqasutu terkan-tur unoǰu, amasara bukui (n) uŋgasu tatalaǰu, kol-tur, kurkui-tur, Sorqan-Sira: "Ene basa eimu qalaun-a (n) uŋqasun dotora ker dausqu?" keesu, neŋǰiulsun baonǰu yorčiba (§ 86) «У Сорхан-Ширая обыскивали в юрте, в повозках и всюду вплоть до исподов сидений. Забрались потом и в телегу, загруженную овечьей шерстью, гозади юрты. Разобрали шерсть сверху и стали уже добираться до дна, как Сохран-Шира говорит: «В такую то жару как можно усидеть под шерстью? «Тогда люди, производившие обыск, слезли и ушли».

Подобных миниатюрных рассказов в «Сокровенном сказании» много. И, описывая эпизоды и картины и жизни своих героев, основные события автор показывает на фоне раздольных монгольских степей с их живыми обитателями, деревьями и растениями. Он рассказывает о том, как «сизая самка сокола ловит и пожирает куропаток» (§ 25), как по ущельям бегают загнанные туда волками звери» (§ 26), как весною прилетают утки (§ 28), как темной ночью в степи горят костры воинов (§159). Действие происходит то в Цекцерской степи Шира-кеере (Čekčerun Šira-keere), то на берегу матушки-Онона (Eke Onan-no erki deere), то на голубом Керулене или на высокой горе Бурхан-халдун, поросшей густым лесом. Перед нами проходят картины мирной степи на рассвете, когда на ней пасутся кони и люди доят кобылиц: и степь, ставшая полем брани.

От таких описаний веет ароматом родных степей. Благодаря им перед нами из глубины веков встает живая картина оригинальной кочевой жизни монголов.

Таким образом, в этих живописных описаниях автора-повествователя «Сокровенного сказания» мы наблюдаем основные особенности художественной речи, художественного стиля:

1) Образность и конкретность описания достигается с помощью художественного вымысла. Автор «Сокровенного сказания» не мог лично участвовать во всех событиях и делах людей, о которых он так живо

рассказывает. И поэтому ему, безусловно, приходилось многое «домысливать». Именно вымысел дает автору возможность облекать описываемые явления в плоть и кровь, представить их в индивидуализированном, конкретном виде и с наибольшей полнотой и яркостью отразить жизнь монголов XIII в. В параграфах 55, 56 рассказывается о том, что Есугей-Батор, отец Чингиса, отобрал невесту Оэлун у Меркитского Экэ-Чиледу, когда тот ехал со свадьбы. Автор говорит об отчаянии Оэлун и благодаря художественному вымыслу ярко показывает внешнее проявление ее горя:

"...Qoyar šiburked-iyen nikan-te aru deereen oorču, nikan-te eburan deere oorču, nikan-te uruqšda, nikan-te qoinaqšida-"Ker-ele kiju odumui?" keet,

Onan-muren-ni tolqistala,
Hoai jubur daouristala,
yeke dau-ber uilaju aisuqui-tur...

(§ 56) «И роняя обе косы свои то на спину, то на грудь, то вперед, то назад так громко она причитала «каково-то теперь уезжаешь?» так громко, что

Онон-река волновалась,
В перелесье эхо отдавалось».

Таким образом, применяются, правда, довольно редко, специальные изобразительные и выразительные средства-тропы и стилистические фигуры. Охотно использует автор приемы богатырского эпоса, например, гиперболу, постоянные эпитеты, сравнения. Некоторые примеры: Qutula-i qaqan erkuet; Qorqonaqun saqlaqar modun horčin "qabirqa-ta-haulaqa, ebuduk-te olkek bolutala" debseba (§ 57) — Возведя Хутулу на ханский стол, плясали вокруг развесистого дерева на Хорхонахе. До того доплясялись, что, как говорится, «выбоины образовались по бедро, а кучи пыли-по колено». Oki ino ujebesu, niur-tur-iyen gere tai, nidun-tur-iyen qaltai (§ 66) «Взглянул он на дочь его, а лицо у нее-заря, очи—огонь».

2) О художественности авторского описания свидетельствует и то, что его миниатюрные драматические рассказы воздействуют не только лишь на наши мысли но и на наши чувства и настроения. Заставляют нас переживать вместе с героями.

3) По сравнению с предыдущим, летописным стилем, о котором говорилось выше, выбор языковых средств у автора более свободный. Встречаются разговорные выражения. Обильно используется прямая речь.

Buqu-Qadaqi, aqa-ino, Bodončar-munqaq deu-yüen, ene Onan-muren huruu odulaa; keen, erin ireju, Tunkelik-qoroqan huruu nouju ireksel irken-tur teyimu teyimu kuun; teyimu morin tu bulee keen suraasu (§ 30) «Старший брат его, Бугу-Хадаги, зная, что младший брат, Бодончар-простак отправился вниз по течению реки Онон, пришел сюда поискать брата. Стал он расспрашивать тех людей, что прибыли сюда, кочуя вниз по речке Тунгелик: не бывал-ли тут такой-то и такой-то человек, на таком-то и таком-то коне».

4) «Сокровенное сказание»-произведение, как известно, анонимное. До сих пор с полной достоверностью не установлено, кто подлинный автор этого сочинения. Но нам известно, что авторы оставляют неизгладимую печать своей личности на своих творениях и в этом смысле говорится даже, что стиль-это сам человек, это-неповторимая индивидуальность. Из того, как автор рассказывает о событиях и людях, как он к ним относится, что по их поводу чувствует и думает, мы многое можем уз-

нать о нем самом, о чертах его характера и мировоззрении, о его симпатиях и антипатиях.

Что дает нам в этом отношении «Сокровенное сказание»?

Прежде всего, бросается в глаза стремление автора не выражать своего личного «я». Своего отношения к описываемым событиям, своих мыслей и чувств он прямо нигде не высказывает. Его мерная речь течет беспристрастно, в большинстве случаев с безразличным тоном. Кажется, что автор озабочен лишь тем, чтобы как можно точнее передать события, лишь сообщить где, когда, какое событие произошло.

Он бесстрастно рассказывает о том, что князьки племени Татар отравили отца Темучина, оставив на руках матери-вдовы пятеро малых детей; о том, что их родичи-тайчиудцы отобрали у них крепостных и бросили их на произвол судьбы; о том, что подростком Чингиса похищают недруги и лишь благодаря случайности ему удается бежать. Но и после освобождения его не оставляют в покое. Меркитские князья разоряют ево дом, похищают его жену, мать и много дней охотятся за ним, как за диким зверем. Рассказывая об этих злоключениях и бедах юного Чингиса, автор не выражает сочувствия, не восклицает и не вопрошает горестно, не скорбит. Впоследствии, повествуя о беспрерывных военных победах Чингис-хана, не расточает хвалебных речей ему, не хулит его врагов.

В авторской речи нет высказываний, не связанных с действующими лицами и событиями повествования, т. е. нет авторских отступлений, в которых он излагал бы лично свои мысли, свои оценки, выражал бы свои чувства или давал какие-нибудь разъяснения по ходу изложения.

Нам кажется, что автор свое отношение к лицам и их поступкам, к событиям высказывает не прямо, а косвенно, приводя те речи действующих лиц, которые импонируют ему. Так, в параграфе 77 сообщается, что Темучин с Хасаром из-за пустяка убили брата Бельгутая. Автор прямо не осуждает их, но приводит суровую обвинительную речь матери Оэлун:

Ker-tur ireǰu oroqui-lua Uǰin-eke qoyar konked-uen čirai uqaǰu ukulerun:

Baraqsat!	Душегубцы!
Qalaunača mino	Этот-вот видно не даром,
Qilat qarurun:	Из чрева яростно вырвавшись,
Ǒar-tur-iyen qara nodun	Сгусток кровавый в руке зажимая,
Qatqun toreliki ene!	На свет появился!
Qarbisu-ban qaǰaqu	Темное дело свое вы свершили
Qasar noqai metu,	Словно дикие псы,
Qada-tur dobtulqu	Что лоно у матки своей прогрызают,
Aur-iyen darun yadaqu	Словно свирепый хаблан,
	На скалу налетающий,
Arslan metu;	Львам вы подобны,
Amidu ǰalqisu keeǩu	Чью ярость ничто не уймет.
Maŋqus metu;	Демонам-змеям, мангусам,
Seuder-tur-iyen dobtulqu	Живьем, говорят, пожирающим.
sinqor metu;	Или же-кречеты вы:
Semiyer ǰalqiqu čuraqa metu!	Те свою тень поражают.
Botoqan-iyen borbi qaǰaqu	Щуки коварные вы:
buura metu	Из засады вы жертву глотаете,
	Или-верблюжьи самцы:
	Верблюженку лодыжки грызете.
Boroqan-tur šiqaqu	Волкам подобны голодным:
čino metu;	Те за добычей в ненастье следят.

Kond-iyen ḱelin-yadaǰu,	Птица турпан пожирает птенцов своих,
Kond-iyen ideḱu anqir metu;	Если увлечь за собой их не может.
Kebteši-en koandeesu	Смел на защиту трусливый шакал,
omerḱu ǰoeburi metu;	Если гнездо его кто потревожит.
Bariǰu ulu saaraqu bars metu;	Барс не замедлит схватить.
	Зря нападает дворняга.
Balamut dobtulqu baru	Вот с кем вы сходны в злодействе
metu-Baraba! (§ 78)	своем!»

В «Сокровенном сказании» подробно рассказывается о покорении Чингис-ханом крупнейших племенных союзов монголов-меркитов, кереитов, татар и найманов, но очень бегло говорится о внешних завоеваниях Чингис-хана. Может быть, в этом проявилось некоторое отрицательное отношение автора к его завоевательным походам, в результате которых Монголия потеряла массу цветущей молодежи и была обескровлена. Однако, автор нигде не поднимается до прямого открытого осуждения.

Определяя главные идеи «Сокровенного сказания», академик В. В. Бартольд писал, что в нем !рельефно очерчен идеал степного богатыря о его неукротимой храбростью, непоколебимой верностью главе народа и безграничным гостеприимством». По своей стилистической характеристике данное сказание отражает тот период развития письменного монгольского языка, когда в нем не произошло еще четкой дифференциации стилей, и даже такое документальное повествование излагают в манере художественной речи, когда они представляли собой синкретичное явление. Из повествования подтверждаются, что авторская речь обладает известным единством творческой манеры, что она могла быть составлена одним человеком.